

Андрей Стародубцев

Ключи от Рая 2

Андрей Стародубцев
Ключи от Рая. Воскрешение
Серия «Ключи от Рая», книга 2

<https://litres.ru/74626413>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во второй части книги "Ключи от Рая" Пол Кейн попадает в «Рай», находит союзника и строит план возвращения на Землю — с заездом в Лас Вегас и Музей мадам Тюссо. В казино он сталкивается с Люцифером и продаёт ему свою душу. Казалось, финал этой сделки очевиден, но тут на помощь Полу неожиданно приходит Хильда — киллер, получившая на него заказ. Но теперь она на его стороне. Вопрос - почему? Параллельно события разворачиваются вокруг Джессики Ховард. Происходят новые убийства. Сможет ли Пол вернуть душу, а Джессика — спасти свою жизнь, но главный вопрос — смогут ли соперницы поделить Пола? Ответы за воротами Рая.

Андрей Стародубцев

Ключи от Рая.

Воскрешение

Ключи от рая

Часть 2 «Воскрешение».

Глава 1 Райские врата.

Итак, Пол Кейн, похоже, умер — по крайней мере, именно так решил бы любой случайный свидетель, окажись он сейчас рядом с его телом. Но сам Пол в эти минуты вовсе не ощущал ни конца своего пути, ни вселенской катастрофы. Напротив, новое состояние виделось ему до нелепости будничным — словно он случайно свернул не туда в знакомом городе и теперь стоит на чужой улице, пытаясь сообразить, как же так вышло и что ему делать дальше. Это было скорее досадное недоразумение, странное приключение — именно так он это видел.

С момента, как он принял те самые таблетки, что ему прописал доктор, правда чуть больше, чем следовало бы, не прошло и минуты. Переход оказался мгновенным: Пол не успел почувствовать грань между миром живых и миром духов — невидимая сила выбросила его из тела, которое неподвижно покоилось на кровати, но только не он сам. Пол, с удивлением, обнаружил себя висящим в воздухе, наблюдая за про-

исходящим вокруг него. В его расслабленной руке по-прежнему был хрустальный стакан с янтарным бренди — в нём, словно в крошечной вселенной, дрожали и переливались отсветы лампы.

Устремив взгляд вниз, туда, где вовсю кипело веселье, Пол сразу узнал трёх дорогих его сердцу женщин: Мишель, Николь и Хильда — смеясь, чокались бокалами с шампанским и произносили неприличные тосты в его честь. Пузырьки в бокалах взмывали вверх, как маленькие упрямые мечты, и тут же лопались, едва достигнув края стекла. В комнате пахло ванилью и цитрусом — парфюм смешался с ароматом шампанского, создавая почти невыносимо уютную, почти домашнюю атмосферу.

Все трое вели себя так, словно они были одной дружной семьёй: ни ревности, ни упрёков, ни тени обиды. Полная идиллия, пугающе безупречная, как отрепетированная сцена по встрече Робинзона Крузо с необитаемого острова. Наблюдая за ними, Пол, почему-то почувствовал себя добычей, неким трофеем для тех, кто был внизу. Возможно, виной тому Хильда? Из всей кампании именно она, особенно казалась странной...

Хильда — та самая, что едва не перерезала ему горло, теперь, казалось, была рада их встрече — вероятно чтобы закончить начатое. Во всяком случае выглядела она вполне себе счастливой и улыбалась искренне, будто между ними никогда не было ни ножа, ни той роковой секунды, когда жизнь

Пола висела на волоске. Это не было похоже на прощение — скорее на какую-то извращённую гармонию, в которой прошлое перестало иметь значение, а будущее было скрыто под покровом тайны. И предчувствие Пола шептало ему, что за этим скрывается нечто большее, чем то, что она пытается показать.

Он сделал медленный глоток, и с удивлением почувствовал как бренди, привычным, почти родным теплом, обжёг ему горло. И в этот момент прямо над их головами, разрывая сумрак этого странного, ни к чему не привязанного пространства, вспыхнул ослепительный разлом — будто небо раскололи пополам. Из него хлынул ярко белый свет не похожий ни на солнечный, ни на электрический — словно сотканный из тумана и ветров. Он стекал вниз, сплетаясь в плотную воронку, и вот уже перед Полом выстроился тоннель из чистого сияния, переливающегося всеми оттенками рассвета и мерцающая миллиардами крошечных звёзд.

Тоннель не манил и не пугал — он просто был, огромный, неизбежный, как прилив, который невозможно остановить.

Пол услышал до боли знакомый голос:

— Пора!

И сразу почувствовал, как его тянет туда, вверх, вопреки всякой воле. Он взмыл к тоннелю, сначала медленно, потом всё быстрее, и в какой-то миг понял, что уже не управляет своим движением: его несло, как щепку в потоке, только вместо воды вокруг него был свет...

— Пол, ты куда?! — закричала Николь, уронив бокал. — Вечеринка в самом разгаре! Какого чёрта ты делаешь?!

— Подлец! Кавалеры не бросают своих дам! — выкрикнула Мишель, и в её голосе разом смешались и обида, и паника.

И только практичная Хильда, провожая взглядом Пола, крикнула ему в след:

— Пристегни ремни Пол, полет будет небезопасным!

Затем, обращаясь уже к подругам, она, чуть приподняв бровь, сухо заметила:

— Ничего, ковбой скоро вернётся... Если нет — я сама за ним приду и верну. И поверьте мне дамы, он нам за все заплатит!

А Пола уже не было рядом. Его втянуло в круговорот звёзд и планет — не плавно, а рывком, будто кто-то схватил за шиворот и швырнул в самое сердце Вселенной. Пространство вокруг него закрутилось, сливаясь в гигантский вихрь огней: планеты проносились мимо, как огромные шары из льда и пламени, кометы чертили в темноте огненные линии, а где-то вдалеке слышался низкий гул — то ли звуки космоса, то ли шёпот тысяч голосов, слившихся в один.

Он не чувствовал боли, но ощущал, как реальность стремительно теряет границы: время растягивалось и сжималось,

сталкивая прошлое и будущее в одной точке, и Пол вдруг увидел обрывки своей жизни — не как воспоминания, а как живые сцены, вспыхивающие в темноте: первый шаг, первый провал, первый поцелуй, первый выстрел в цель, и... момент, когда он выбрал лёгкий путь вместо правильного. Всё это проносилось мимо, не обвиняя, но и не оправдывая — просто предъявляя факты, которые он столько лет прятал даже от себя.

Он хотел закричать, спросить, куда его несёт, но, казалось, он уже растворился в рёве пространства, стал частью его. Он — часть этого движения, песчинка в колесе, которое не останавливается ни на миг. Хаос обступал со всех сторон, сплетался в вихри света и тьмы, и в самом сердце этого безумия вдруг проступил огромный материк — словно сотканный из света и льда. Он напоминал древний античный город, вознесённый над безбрежным океаном космоса.

Пол невольно вспомнил легенды об исчезнувшей Атлантиде — о городе, который однажды провалился в пучину, оставив после себя лишь шёпот в памяти человечества. В этот миг ему показалось, что он наконец видит её такой, какой она должна была быть: гордой, сверкающей, обречённой... Но видение не успело обрести форму, не дало ему ни секунды, чтобы взглядеться, запомнить каждую грань. Всё оборвалось в одно мгновение — так резко, что у него перехватило дыхание и... полёт закончился.

Пол приземлился, если это вообще можно было назвать

приземлением — скорее, его аккуратно, но без лишних церемоний, выплюнуло из звёздного водоворота прямо у подножия исполинского сооружения. Оно напоминало римский Колизей — только в масштабе, от которого у античных архитекторов случился бы нервный тик: ярусы уходили в небеса, арки напоминали мосты, а колонны выглядели так, будто их выточили из цельных гор.

Вокруг кипела очередь — не из прозрачных призраков, как в дешёвых фильмах про загробную жизнь, а из вполне себе осязаемых душ: они толкались, вздыхали, и время от времени нервно оглядывались на гигантские часы, висевшие прямо в воздухе.

Пол встал в очередь, прикидывая, не проще ли было бы проскочить сбоку, но тут же поймал на себе тяжёлый взгляд впереди стоящих душ — такой, что желание нарушать порядок моментально испарилось. Через несколько минут, которые показались вечностью, он наконец добрался до входа и оказался в самом центре Колизея.

Здесь было шумно, гулко как в аэропорту, а прямо над ним, переливаясь и мерцая, висел голографический экран, видимый со всех сторон сразу. Он крутился, как гигантский рекламный щит на Таймс-сквер, только вместо кроссовок и газировки демонстрировал два варианта дальнейшего существования.

Слева — «Отель „Рай“»: картинка показывала белоснежные террасы, сады с фонтанами, где вместо воды лился мяг-

кий золотой свет, и ряды шезлонгов, на которых расслабленно возлежали души в лёгких туниках. Голос за кадром приятно бархатистый, с нотками профессионального оптимизма вещал:

— «Рай» — это место, где вы наконец-то выспитесь, никто не будет звонить вам после шести, а все неловкие моменты из вашей земной жизни автоматически удаляются из памяти. Дополнительно: вечное капучино без кофеина, никаких спиртных напитков, только здоровая пища без холестерина и возможность поговорить с кем-то, кто действительно вас слушает.

Справа — лаконичная надпись «Ад», выполненная в строгом чёрном шрифте с лёгким эффектом тления по краям. Пол не отрывал взгляда от экрана, где пульсировал проморолик отеля «Ад». Картинка переливалась маслянистыми оттенками багрянца и золота — будто кто-то смешал расплавленное солнце с густым вином. Бархатный, чуть насмешливый голос, словно шептал прямо в ухо:

— Ты мечтал о большем? Здесь это не грех. Здесь это норма.

На экране сменялись сцены, и каждая будто срывала с души повязку, под которой прятались самые дерзкие желания. Воздух звенит от адреналина: не просто приключения, а такие, от которых сердце бьётся где-то в горле, ты наконец-то чувствуешь себя живым по-настоящему, впервые за все отведенные тебе годы.

— Братья и сестры, только для Вас: отвесные стены, бурлящая лава! Ни страховки, ни пощады! Призрачные болиды мчатся по дорогам, что тают за поворотом, будто дурной сон. Экспедиции в миры, где зомби — не угроза, а способ самоутвердиться! Здесь законы физики — всего лишь робкие рекомендации, которые можно игнорировать! Опасность больше не враг, а ваш верный союзник: она ждет вас на каждом шагу и готова принять вас в свои объятия! Всё это — прямо сейчас к Вашим услугам. В Аду мечты не гаснут. Здесь они сгорают ярко — становясь подвигами. Никакой морали, никаких ограничений — только протяни руку и возьми, наконец, то, о чем ты давно мечтал!

Картинка с извергающейся из жерла вулкана лавой сменяется чередой престижных офисов фирм и финансовых корпораций:

— Устали от приключений? Мы предлагаем взамен нечто более изящное — головокружительная карьера! Не медленное восхождение по бесконечной лестнице, а стремительный взлёт, будто тебя подхватывает шторм и несёт вверх. В Аду ценят дерзость, а не аккуратность, способность брать и удерживать. Здесь за одну ночь можно стать тем, кем мечтал быть десятилетиями: воротилой, легендой, именем, которое произносят с уважением и страхом.

Еда и напитки — отдельный соблазн, почти издевательство над привычной реальностью. Вам больше не придется думать о холестерине: мясо жирное и сочное, десерты, таю-

щие на языке, вина, в которых заперто само время! Здесь нет запретов, нет «слишком» или «нельзя»: ешь, пей, пробуй — всё создано, чтобы будоражить, удивлять, ломать шаблоны!

И, конечно, старый как мир и милый как поцелуй девственницы — секс! Не тот, что стыдливо опускает глаза, а откровенный, дерзкий, ломающий границы привычного. Такой, который не просто дарит удовольствие, а перекраивает представление о нём: новые ощущения, новые ритмы, новые грани близости, о которых ты раньше боялся даже думать. Это не разврат — это исследование, танец на краю, где страх и восторг сливаются в одно.

Если и этого мало, мы предлагаем нечто по истине уникальное, не прощение грехов, но воздаяние за них — сведение счётов! Новая опция: не банальная месть, а ритуал, превращённый в искусство. Здесь можно встретиться лицом к лицу с теми, кто когда-то предал, унизил, сломал вас. И не просто отомстить, а сделать это так, чтобы каждый обидчик не просто почувствовал боль, а понял всю её глубину. Это не прощение — это точка, после которой можно идти дальше.

В Раю тебе предложат только покой. Здесь мы предлагаем жизнь — яркую, шумную, беспощадную и прекрасную. Всё, о чём ты мечтал, но боялся воплотить, ждёт тебя! Просто скажи „да“...

Пол стоял, задрал голову, и пытался осознать увиденное.

Никто не рвался в «Рай» — на вечную тишину, овсянку и лекции о смирении. Зато у стойки «Ад» творилось настоя-

щее столпотворение: очередь извивалась змеёй, люди толкались, вытягивали шеи, будто ждали старта продаж лимитированной коллекции кроссовок. Души, ещё пять минут назад дрожавшие от неопределённости, теперь азартно спорили, кто тут стоял первым, и перешёптывались: «Говорят, там можно всё! Абсолютно всё! И никакого чувства вины! Главное чтобы Вай-фай был!»

Атмосфера была как на премьере скандального блокбастера: нервы на пределе, адреналин зашкаливает, а в воздухе витает сладкое предвкушение тотального нарушения всех правил.

В этот момент к Полу придвинулись три девушки — в облегающих комбинезонах, с дерзкими улыбками и всё ещё будто подсвеченными неоном стримерскими лайтбоксами вокруг силуэтов.

Первая, с ярко-розовыми прядями, хмыкнула:

— Вай-фай? Да там, говорят, интернет быстрее, чем мой последний взлёт с вышки. А я, между прочим, забиралась туда ради кадра, где город будто на ладони.

Вторая, с татуировкой молнии на запястье, закатила глаза:

— Ты ещё про наш сторис вспомни. У меня в ушах до сих пор стоят крики: «Осторожно, там опасно!»

Третья, самая спокойная, но с хитрым прищуром, обращаясь к Полу, добавила:

— Мы обожали стримить с самых высоких точек — вышек, зданий, мостов... Пока однажды гравитация не решила понизить наш рейтинг. Сорвались. Но знаешь, что удивительно?

Пол пожал плечами. Все трое девушек, веселясь, прокричали:

— Наши рейтинги зашкалили!

Пол почесал затылок — он ничего не понимал в этом странном мире, где экстрим давно стал нормой жизни, а цена за удачный кадр — чья-то жизнь. Что ж, это был их выбор — дерзкий, безрассудный и Пол не собирался их судить.

— А ты, бро, как ты попал сюда? — не переставая улыбаться, спросила одна из девиц, склонив голову чуть набок так, что прядь ярко-розовых волос скользнула по плечу.

Пол хотел было сказать правду — ту самую, про таблетки, которые должны были просто приглушить шум в голове. Но слова застряли где-то в гортани. Девчонки явно ждали от него подвига — истории, которая не просто ошеломит, а заставит их кричать от восторга.

И Пол подыграл им.

— Был пуск баллистической ракеты, произвольный, — начал он, глядя куда-то поверх их голов, будто снова видел тот миг. — Я оказался рядом, шел мимо. В момент взлёта я толкнул её влево — отклонил курс. Ремень зацепился за фюзеляж... и вот я здесь. А моё тело теперь где-то там, в

космосе. Зато мир спасён.

На мгновение в шумной очереди будто что-то щёлкнуло — даже повар, ворчавший что-то про недожаренные стейки, на секунду замер, а мотоциклист перестал крутить в руках свой треснувший шлем.

— Круто, чувак! Да ты, по ходу, герой! — выдохнула девушка с татуировкой молнии, глаза её загорелись неподдельным восхищением. — Дай автограф!

Другие две дружно закричали:

— Автограф! Автограф!

Пол развёл руками, показывая, что нечем. Это их не остановило.

— Тогда мы сами! — рассмеялась та, что с розовыми прядями, и быстро вытащила из кармана ярко-алую помаду. Остальные последовали её примеру, доставая из карманов тюбики всех оттенков от красного до кислотно-фиолетового.

В мгновение ока девчонки ярко покрасили губы — и тут же принялись оставлять на лице Пола свои красноречивые автографы, будто спешили запечатлеть мгновение. Пол и глазом моргнуть не успел, как оказался похож на мемориальную стену, испещрённую пёстрыми надписями: росчерками, сердечками, восклицательными знаками — будто каждый отпечаток был клятвой запомнить эту встречу навсегда.

— Теперь ты официально легенда! — провозгласила третья девушка, отступая на шаг и оценивая результат.

Повар, изумленно наблюдавший эту сцену, резонно заме-

тил:

— Я в свое время тоже был легендой, но стейк от этого не становится вкуснее.

Очередь снова зашумела, извиваясь, как змея.

— И я хотел стать легендой! — Рядом внезапно оживился мотоциклист, держа в руках разбитый шлем. Его куртка будто всё ещё пахла озоном и горячим асфальтом.

— Немного не успел, — фыркнул он. — Хотел поставить рекорд скорости, а тут закончилась дорога и я полетел — красиво, как в замедленной съёмке: деревья мелькали, как кадры в клипе, земля неслась навстречу, а в голове только одна мысль: «Вот это будет видос!» Но... камера, разбилась раньше меня.

Из-за его плеча выглянул каскадер со следами ожогов на коже.

— Почти как я... — проворчал он. — Я падал с крыш, прыгал через машины, висел над пропастью. А умер... ирония судьбы: случайно задел высоковольтный кабель на съёмочной площадке...

Девушки переглянулись, и та, что с розовыми прядями, сладко улыбнулась:

— Обожаю «горячих» парней! Дашь автограф?

Каскадер взял у мотоциклиста треснувший шлем и протянул его девушке:

— Кроме него у меня ничего нет. Бери на память!

Девчонки завизжали от восторга, а вместе с ними зашумела и очередь. Над стойкой «Ад» вспыхнула неоновая надпись: «Новые правила: ваша жизнь уже закончилась, а веселье только начинается!». И все дружно рассмеялись — с тем самым чёрным юмором, который рождается только там, где уже нечего терять.

— Ты куда решил, бро? — спросил его мотоциклист теперь уже без шлема. — В «Рай» или «Ад»?

— Выбор, конечно, богатый, — пробормотал Пол, почесав затылок. — Еще пока не знаю. Похоже в отличии от «Рая» в «Ад» не надо заполнять анкету...

Мотоциклист кивнул:

— Точняк! В «Аду» никакой канители, никакой бюрократии — берут всех без разбору. Главное, когда определишься с выбором — не попасть на смену к вон к тому администратору, который обожает философские вопросы.

Мотоциклист кивнул в сторону стойки, где за стеклянной перегородкой с видом экзорциста, возвышался суровый мужчина в строгом костюме. Его оба уха торчали в разные стороны и как бы вверх, всем своим видом напоминая рога. На лацкане тускло поблёскивал значок — перевёрнутая пятиконечная звезда, будто знак, перечёркивающий привычный порядок вещей.

Пол понимающе кивнул и краем глаза покосился на соседнюю кабинку. Там за стойкой сидела девушка-администратор — молодая, с лёгкой улыбкой, которая будто случайно, но каждый раз попадала прямо на него. Пол пару раз ей подмигнул, и теперь втайне мечтал попасть именно к ней. уж она-то, казалось, не станет грузить вечными вопросами о смысле жизни после смерти, а просто поставит нужную печать там, где сочтет нужным и скажет: «Добро пожаловать ко мне...».

Время шло, очередь стремительно продвигалась вперед, однако судьба, явно склонная к иронии, распорядилась иначе. Стоило Полу отвернуться как в окне девушки появилась табличка «**Fully booked — We're full!**»

Так, Пол, оказался у стойки того самого администратора, про которого упоминал мотоциклист. Высокий, в идеально выглаженном костюме, с планшетом в руках и лицом человека, который уже тысячу раз объяснял одно и то же, но всё ещё пытается сохранять терпение, он поднял взгляд куда-то поверх голов и громко, почти уставшим голосом объявил:

— Следующий! Имя?

— Пол, — отозвался Пол, невольно сделав шаг вперёд и проклиная свою удачу.

— Пол... — распорядитель пробежал пальцем по экрану планшета. — Ага, вот вы где... Пол Кейн. Интересное у вас досье, Пол: «киллер без права на ошибку»... так, так... Тридцать три выстрела и все в цель... Что ж... это впечатляет!

Желаєте продолжить? Тогда у нас есть для вас специальное предложение...

— Специальное? — насторожился Пол.

Администратор на мгновение скользнул взглядом вправо, потом влево — будто проверял, не подслушивают ли их, затем его лицо мягко преобразилось: черты разгладились, и он расплылся в самой дружелюбной улыбке.

— Да. Учитывая обстоятельства... — тут распорядитель понизил голос, будто делился секретом, — и тот факт, что лично у меня есть к вам одно деловое предложение... личный заказ так сказать, я бы назвал его «Экспресс-предложение».

— Звучит... подозрительно, — честно признался Пол.

— Это потому, что звучит как банковское предложение, — хмыкнула стоявшая рядом душа. — Там все самое главное — мелким шрифтом, внизу.

Распорядитель терпеливо улыбнулся — той усталой улыбкой, которую вырабатывают годами специально для особо назойливых клиентов: в ней было ровно столько тепла, чтобы не обидеть, и ровно столько отстранённости, чтобы держать дистанцию. Обращаясь к стоявшей позади Пола душе, он мягко произнёс:

— Не считите за грубость, но я отойду с ним на минутку...

Он взял Пола за локоть и, не дожидаясь ответа, увлёк его за стойку. Там, администратор склонился к самому уху Пола.

— Есть у меня напарник, редкая сволочь, если честно, — прошептал он. — Постоянно на больничном: то спину ломит, то жена проходу не дает, то ещё какая-нибудь гадость... А мне что прикажешь делать? Работаю за него как лошадь, без выходных. Ты бы помог мне... чтобы он исчез. Его заменят, а я в долгу не останусь, любое желание — всё, что захочешь.

Пол понимающе кивнул.

— Я бы с удовольствием, правда, — сказал он спокойно, почти мягко. — Но я завязал. На пенсии я. Больше этим не занимаюсь. Совсем.

— Точно?

— Точнее некуда, — твердо ответил Пол.

Администратор выпрямился, выдохнул и, снова надевая на лицо привычную улыбку, развёл руками:

— Что ж, понимаю... Бывает. Жизнь, она ведь не только из подвигов состоит, верно? Кому-то и на покой пора...

Он скользнул взглядом по экрану планшета, будто искал там ответ на вопрос, который ещё даже не задал, и, чуть нахмурившись, произнёс:

— Пол... а в чём, собственно, ваш главный грех? Или, если угодно, ваша главная страсть? Что в общем-то одно и то же. Без этого я не могу оформить распределение...

Пол сглотнул. Вот оно — то самое, о чём его предупре-

ждали. Никакой бюрократии, просто философский допрос с пристрастием.

Пол помедлил, силясь выудить из глубин сознания что-то весомое — и в то же время не слишком компрометирующее.

— Ну... — протянул он, подбирая слова. — Наверное, моя главная страсть — это стремление постичь смысл жизни. А главный грех — в том, что я до сих пор его не постиг. Получается, мой грех непостижим. Это считается?

Администратор чуть приподнял бровь, словно сверялся не с планшетом, а с каким-то древним сводом грехов.

— Непостижение... — пробормотал он, водя пальцем по экрану. — Хм. Категория спорная. В классификаторе такого нет. Есть «гордыня», «алчность», «леность»... А непостижение — это скорее экзистенциальный пробел.

Пол вздохнул и решил брать администратора «за рога»:

— Ладно, если надо что-то конкретное... Пожалуй, мой главный грех — это привычка задавать вопросы, на которые никто не знает ответа. «В чём смысл всего?», «Почему небо синее?», «Кто первый появился на свет курица или устрица?»... Я буквально коллекционер дилемм, у которых нет решения. Это ведь тоже своего рода страсть, не так ли?

Администратор наконец оторвал взгляд от планшета — и посмотрел на Пола с тем особенным, почти жадным интересом, какой бывает у психиатра, столкнувшегося с клиническим случаем, который не укладывается ни в одну классификацию.

— Знаете, — произнёс он тихо, словно не хотел спугнуть редкую мысль, — в моей практике было немало людей, которые пытались спрятаться за банальными грехами... Но вы, Пол... от вас у меня экзистенциальный сбой.

(В экзистенциальной философии (Кьеркегор, Сартр, Камю, Хайдеггер) речь идёт о столкновении с «конечными данностями» бытия: свободой, ответственностью, одиночеством и конечностью жизни. Идея в том, что никакого заранее заданного смысла у жизни нет — его приходится создавать самому).

— В нашем учреждении такие случаи уникальны. — добавил он, чуть усмехнувшись. — У нас в архиве есть для вас место. Думаю, ваше досье туда отлично впишется.

Пол криво улыбнулся, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

— И последнее, — добавил администратор, уже почти с сочувствием. — Вы когда-нибудь находили ответ хотя бы на один из этих вопросов?

Пол на секунду задумался, а потом честно признался:

— В том их и суть, что ответов нет.

— Понимаю...

Хмыкнул администратор.

— Тогда просто скажи, куда тебя: в Рай или в Ад? Или, хочешь, можем предложить промежуточный вариант — «Зона ожидания». Там есть чай, правда остывший, и стопка старых журналов. Тихо, спокойно, никто не торопит... Подумай...

Пол посмотрел на голографический экран, где картинки продолжали плавно сменять друг друга.

— Всегда мечтал оказаться в «Рая»... Можно? — осторожно спросил он.

— Конечно! — кивнул распорядитель. — У тебя там будет целая вечность...

Он протянул Полу не то билет, не то визитную карточку «Рая» — тонкий прямоугольник из мерцающей бумаги, словно сотканной из утреннего тумана.

— Что ж, поздравляю — отличный выбор! — обреченно произнёс распорядитель с той самой интонацией, с какой вручают ключи от долгожданного дома, не упоминая при этом, что этот дом стоит на краю пропасти.

В тот же миг, едва Пол коснулся протянутой ему визитки — мир рассыпался на тысячи ослепительных искр. Пространство вокруг него дрогнуло, словно туман от порыва ветра, и он исчез, будто его и не было вовсе — лишь на долю секунды в воздухе от него остался езда заметный след, похожий на исчезающий «конденсационный след» который самолёт оставляет в небе.

Глава 2 «Рай».

Пол очутился перед исполинскими воротами, вокруг ни души, только тишина, такая плотная, что в ушах звенело. В гру-

ди всё сжималось от странного, щемящего предвкушения того, что вот-вот произойдет... Он стоял и ждал, но... ничего не происходило. Он поднял голову вверх в надежде, что тут какая-нибудь ошибка. Вверху, над створками, висела огромная неоновая вывеска: «Добро пожаловать в Рай!» Свет от вывески дрожал и от этого его сияние казалось почти живым.

— Какого черта? — выругался Пол. — Почему меня никто не встречает?

Пол огляделся по сторонам, ища хоть малейший намёк на звонок или кнопку, но вокруг не было ничего, кроме гладкой, отполированной стены. Решившись, он протянул руку и постучал в ворота — сначала осторожно, потом всё настойчивее, пока костяшки пальцев не заняли от ударов. Стучал до тех пор, пока за воротами не раздался удивлённый старческий голос:

— Кто там?

Пол нахмурился. Кто там? Да какая разница, кто там — просто откройте эти чёртовы двери! Но вслух он сдержанно произнёс:

— Простите, я могу войти?

Он замер, прислушиваясь. Снова тишина. Тяжёлая, вязкая, словно мир вокруг замер наблюдая за Полем.

— Эй... Там есть кто-нибудь? Я могу войти? — повторил он, хмурия брови.

Наконец, снова раздался голос, на этот раз в нём сквозило крайнее раздражение, и его обладатель явно не собирался

это скрывать:

— Войти?! Ты правда хочешь сюда войти? Ты хоть понимаешь, где ты находишься? Как ты вообще сюда попал? Ты кто?

— Пол, — ответил Пол.

— Пол? Какой ещё, прости Господи, Пол? Ты издеваешься?

От этих слов Пол оторопел. Он сделал шаг назад, будто отшатнувшись от невидимого удара, и снова поднял глаза на вывеску. Может, он не туда попал? Может, это какая-то злая шутка администратора? Но нет — буквы по-прежнему ярко высвечивали только одно слово: «Рай». Вот только их свет теперь казался не приветливым, а каким-то холодным, почти насмешливым.

— Только один вопрос, — осторожно произнёс Пол, стараясь унять дрожь в голосе, — я же в Раю?

— В Раю? — повторил голос за воротами с такой интонацией, будто это была самая нелепая вещь, которую ему доводилось слышать. — Ты?! О нет, глупец, ты не в Раю. Ты перед ним!

Наконец одна из створок ворот скрипнула, будто протестуя против вторжения, и приоткрылась. Петли издавали протяжный, жалобный стон, от которого по спине Пола пробежал холодок. Перед ним возник седой старец в белых одеждах. Его борода ниспадала почти до пояса, а в глазах читалась усталость прошедших тысячелетий.

— Скрипят, — покачав головой, посетовал он, будто извиняясь перед самими воротами. — Ещё бы... почти сто лет прошло, как эта дверь открывалась в последний раз.

— Сто лет? — недоверчиво переспросил Пол, и у него перехватило дыхание. — Но почему? Разве Рай закрыт?

— Глупец, — фыркнул старик, — разумеется, нет!

— Тогда в чём дело?

Старик пожал плечами.

— Просто нет достойных, — произнёс он буднично.

Пол во все глаза смотрел на чудаковатого старца с длинной бородой и хмурым взглядом. Если это «Рай», то перед ним, должно быть, сам апостол Пётр — вот только почему кругом ни души и что значит «нет достойных»? Петр щурясь от яркого света смотрел на Пола с неменьшим удивлением.

— Ты чего такой стремный? — спрямил он гостя, рассматривая следы губной помады на нем.

— Не ту дверь открыл, — уклончиво ответил Пол.

— А сейчас думаешь открыл ту? — ехидно заметил старец. — Ты как сюда попал? Тебе чего?

Пол искал подходящий ответ и не находил. Почему «Рай»? Это слово предполагало нечто идеальное, свободное от той жизни к которой он привык — в ней он учился выживать там, где другие сдавались. Может, всё дело в самой простой правде: он выдохся...

— Чего язык прикусил? — требовательно спросил старик, буравя Пола взглядом. — Удивлён, что мы тут одни?

Пол молча кивнул.

— Ну... тут такое дело, — начал старец, и в его голосе проскользнула горькая усмешка, — уже давно никто из людей не верит ни в «Рай», ни в «Ад». А те, кто верит... ну, они всё равно сюда не попадут. Грешны...

— Тогда зачем вообще нужен Рай? Если в него невозможно попасть, какой тогда в нём смысл? — искренне удивился Пол.

Старец хмыкнул, будто услышал самый наивный вопрос на свете.

— Хороший вопрос. Зачем? Ну... это как символ. Я бы сказал, «Рай» — это стимул для вас. Что-то вроде рекламного буклета пятизвёздочного отеля с мишленовскими звёздами. Обещают райское блаженство, беззаботную жизнь и кое-какое меню на выбор. Не шведский стол, конечно, но выбор есть.

— Теперь понятно почему все стоят в «Ад», — туда куда проще попасть.

— Тут ты прав, — согласился старец. — Так тебе чего? Мимо шёл или намеренно? Решил устроить паломничество в выходной?

— Да чёрт его знает... — невольно вырвалось у Пола.

Страж Рая даже не поморщился от упоминания чёрта — видимо, за тысячу лет такие слова стали для него не страшнее чиха в людном месте. Он тяжело вздохнул и коротко бросил:

— Извини, внутри всё равно не пушу... Хотя, если хочешь, можем тут поговорить. Или спешишь куда?

Пол покачал головой, чувствуя странное облегчение от того, что спешить ему уже некуда.

Старец наконец полностью вышел за ворота, шагнул к Полу и протянул руку — крепкую, будто привыкшую не только благословлять, но и ворочать тяжёлые камни.

— Пётр, — произнёс он просто, без пафоса.

— Пол. Пол Кейн, — представился Пол, пожимая руку и удивляясь тому, насколько тёплой и настоящей она оказалась.

Оба опустились на землю, прислонившись спинами к массивным воротам, которые теперь казались не столько вратами в вечность, сколько старой, скрипучей дверью в заброшенный дом.

— Понимаешь, — начал Пётр, глядя куда-то вдаль, туда, где небо сливалось с горизонтом в бледно-золотую полосу, — «Рай» стал скучным для вас. Не в тренде... Сейчас все хотят красивой жизни, побольше денег и огня. Денег у нас нет — какой в них смысл, если их не на что потратить? А насчёт огня... это в «Ад», его там полно. Вот все и ушли. Туда, где можно почувствовать себя живым — пусть даже ценой вечных мук.

В глазах старца блеснули слёзы — не горькие, не отчаянные, а скорее усталые, как у человека, который слишком долго охранял то, что больше никому не нужно.

Пол изумлённо уставился на собеседника, пытаясь осознать услышанное.

— Так в Раю... вообще никого? — тихо спросил он.

Старец утвердительно кивнул.

— Только Ангелы парят в небе в поисках заблудших душ. Ты первый за последние сто лет, кто вообще к нам заглянул. Даже курьеры с небесной почты стали обходить эти ворота стороной.

Он немного помолчал, будто взвешивая в уме все «за» и «против», а потом махнул рукой с видом человека, которому уже нечего терять:

— Ладно, будь что будет! Зайдёшь? Посидим, поговорим. Расскажешь, как там у вас на Земле, что нового.

Пол охотно кивнул, испытывая любопытство.

Пётр взмахнул рукой, и ворота неохотно распахнулись, открывая вид на залитую мягким светом аллею, уходящую вдаль, в самую сердцевину всеми забытого «Рая».

Глава 3 Новый друг.

Пётр пригласил Пола следовать за ним, но тут же, понизив голос, строго предупредил:

— Только ничего не трогай! Бдительные ангелы всё видят. Стоит им заметить, что я пустил в Рай грешника, — и мне придётся писать объяснительную на семи небесных бланках. Хотя кто их читает...

Пол не возражал. Он лишь молча наклонил голову и пошёл следом за старцем, стараясь ступать как можно тише, словно боялся нарушить хрупкую тишину этого места.

«Рай» раскинулся перед Полом не как безупречное чудо описанное в Библии, а как забытый сад — величественный, но тронутый лёгкой печалью запустения, будто сам воздух здесь хранил следы ушедших шагов.

Аллеи, по которым они шли, были вымощены камнем, отливавшим мягким перламутром, но кое-где сквозь стыки пробивалась нежная трава, а на самих плитах виднелись тонкие трещины, словно время всё же нашло лазейку в эту вечность. По обе стороны тянулись ряды деревьев с листьями, тонкими, как кружево: кое-где они пожелтели по краям, а тяжёлые плоды, что висели среди ветвей, местами сморщились, утратив глянец — но всё ещё источали тот самый медовый аромат, упрямый и стойкий, словно отказываясь сдаваться тлению.

Диковинные цветы вдоль дорожек благоухали, но теперь в их запахе чувствовалась не только сладость, а ещё и горьковатая нота увядания.

Водоём, к которому они пришли, был словно зеркало в отражении которого по-прежнему виднелись перистые облака, похожие на крылья парящих Ангелов, впрочем, среди них, Пол разглядел и сами их силуэты, наблюдавшие сверху за происходящим в саду.

Пётр вдруг обернулся, и в его глазах мелькнула довольная

искорка.

— Чувствуешь атмосферу? — произнёс он с нескрываемой гордостью. — Никакого синтетического привкуса, всё натуральное. Пришлось, конечно, кое-где доработать... Но результат того стоил. Растения — как живые, аромат — само совершенство. Не спрашивай, как это устроено: честно скажу, и сам не до конца понимаю. Просто наслаждайся.

И Пол наслаждался. Он шёл, почти не глядя под ноги, позволяя этому миру просачиваться в каждую клеточку своего существа, пока аллея не вывела их к небольшому чайному домику на краю дивного водоёма. По зеркальной глади неторопливо скользили два лебедя, оставляя за собой едва заметные серебристые дорожки.

Пётр молча указал на скамью рядом со столиком, на котором дымился самовар.

Пол уставился на него, не в силах скрыть изумления. Он осторожно спросил, словно от его слов, самовар мог исчезнуть:

— Это... что?

Пётр кивнул.

— Самовар...

— Само...вар?

— Да, — подтвердил Петр, — и самый что ни на есть настоящий, прямо из Тулы. Русский академик подарил. Хороший был человек, умный, начитанный.

Они сели за стол, разлили чай по чашкам и долго молчали, глядя, как лебеди на воде описывают плавные круги.

— Вот не пойму я вас, людей, — наконец тихо произнёс Пётр, первым нарушив райскую тишину. — У нас в «Рая» всё, что душе угодно: покой, красота, изобилие... Но вам этого мало. Вам надо погорячее, чтобы сердце колотилось, а земля уходила из-под ног.

Он сделал неторопливый глоток, поставил чашку на стол и посмотрел на Пола — внимательно, будто впервые его видел.

— Вот скажи мне, Пол, что для тебя самое главное в жизни?

Пол ответил, не задумываясь, словно этот ответ жил в нём всегда:

— Семья.

Пётр радостно кивнул.

— Ну конечно, семья! — воскликнул он, словно Пол только что подтвердил самую важную истину на свете. — Именно для этого «Рай» и был создан. Для вас — чтобы вы жили тут как одна большая семья! Но увы... — он вдруг помрачнел, и его голос стал тише. — Все свои проблемы вы принесли сюда...

И Петр начал длинный рассказ о том как американцы постоянно ссорились с англичанами, пока не заключили союз и не переключились на россиян. Затем к ним присоединились европейцы и все вместе наложили на россиян санкции: ко-

фе только порошковый, фрукты только по выходным и никаких райских яблок... Китайцы сразу смекнули в чем их выгода: стали поставлять россиянам зерновой кофе купленный у европейцев и яблоки — точная копия райских. Затем начались ссоры внутри Европы. Французы считали английскую еду оскорблением, англичане французскую — непомерным высокомерием.

— У нас самая богатая культура в мире! — заявляли французы.

— Зато у нас самые эффективные законы! — возражали немцы.

— А мы делаем лучшие макароны! — кричали наперебой итальянцы.

Пол невесело усмехнулся, а Пётр, сделав глоток, тяжело вздохнул и с горечью добавил:

— В общем, если собрать всех — Америку, Россию, Китай, Англию и Европу — получится рождественский ужин в большой неблагополучной семье: все друг друга знают, но при этом каждый в обиде... Дело доходило до разборок. Американцы ссорились с русскими из-за нефти, японцы с китайцами из-за островов. Как-то вечером один китаец показал мне географическую карту мира, так там везде был один Китай... Китайцы всё спорили, что их кунг-фу лучше каратэ. Японцы, понятное дело — сразу в драку.

Неожиданно Петр замолчал, словно подбирал слова, чтобы рассказать о самом неприятном. Затем неохотно произ-

нес:

— Появились диаспоры, секты, банки... Криминал расцвёл, словно подснежники по весне. Пришлось учредить департамент божественной полиции из ангелов...

Пол криво ухмыльнулся, живо представив себе эту нелепую, но до боли знакомую картину: две восточные группировки, гордо расправив плечи, делят зоны влияния прямо посреди Райского сада. А затем сцена стремительно сменилась другой: отряд ангелов-полицейских прибывает на место разборок и, морщась от неловкости, поливает всех райской водой из шланга — будто пытается смыть саму идею конфликта.

— Почему человек вечно все портит? — глядя на Пола спросил Пётр.

Пол не нашел, что ему ответить и, просто пожал плечами.

— Пол, — неожиданно предложил Пётр, и в его голосе прозвучала почти детская надежда, — оставайся! Нет, правда, оставайся тут, сколько хочешь. Я всё беру на себя! Мне ведь и поговорить особо не с кем... За тысячи лет, что я тут, мы с ангелами обо всём переговорили.

— Да я не против, — ответил Пол, и осторожно спросил, — Бренди есть?

— Есть! — бодро отозвался Пётр и взмахнул рукой, будто стряхивая с неё невидимую пыль.

Прямо перед ними возникли два ангела. Один держал в руках две изящные чашки, а второй — замысловатый чай-

ник, то ли тайский, то ли китайский, с изогнутым носиком и тонкой росписью, от которой веяло древними легендами.

— Снова чай? — Пол поморщился, не скрывая скепсиса.

— О нет, мой новый друг, разумеется, нет, — тихо рассмехался Пётр. — Это лишь маскировка. Спиртное в Раю запрещено, но... если смотреть сверху — всё выглядит пристойно. Это мусульмане меня научили — хорошие ребята, жаль, тоже ушли...

Пол взял протянутую ему чашку и осторожно принялся. На вид напиток напоминал крепко заваренный чай, но запах... Запах был совсем другим.

— Десятилетний коньяк «Арагат», — прошептал Пётр, словно раскрывая великую тайну. — Знакомые армяне оставили пару ящичков...

— «Арагат»? — изумился Пол. — Не слышал такого...

— Не надо слышать, надо чувствовать, — мягко возразил Пётр. — Просто пей на здоровье.

Пол послушно сделал первый глоток. Тёплый, густой огонь разлился внутри, пробуждая каждый атом души. Он на мгновение прикрыл глаза, позволяя этому ощущению заполнить себя целиком.

Пётр одобрительно хмыкнул и последовал его примеру, сделав не один, а целых два глотка — будто хотел наверстать упущенное.

Они сидели, прислонившись спинами к тёплой каменной ограде, и блаженно наблюдали, как мир вокруг становился

гораздо приятнее и в то же время понятнее.

Даже вечное небо, казалось, чуть смягчило свои краски, а тени легли мягче, словно сами небеса одобрили эту маленькую человеческую слабость — просто посидеть, поговорить и почувствовать, что ты не один. И что иногда лучший способ спасти душу — это налить ей немного коньяка и дать выговориться.

Глава 4 Разговор по душам.

Когда чайник опустел, Пётр предложил прогуляться по саду — и в его голосе прозвучало что-то вроде приглашения к разговору, который давно назревал.

— Ты «Библию» читал? — спросил он Пола, хотя и так знал ответ. Вопрос прозвучал не как упрёк, а как осторожный толчок к чему-то важному.

— Местами, — неохотно признался Пол. — Как-то всё не до того было.

— Вот и я о том! — оживился Пётр, и в его глазах вспыхнул тот особенный свет, какой бывает у людей, которым есть что сказать и они наконец нашли слушателя. — Жизнь человеческая коротка — хочется всё успеть, схватить хоть по кусочку от каждого дня, а то оглянешься — а годы уже пронесли, будто осенние листья по мостовой. Что до вопросов веры, то о них вспоминают на пороге вечности, как о забытом фолианте, до которого так и не дошли руки.

Он помолчал, потом примирительно добавил:

— Я ведь не к тому, чтобы укорить. Просто... дело не в том, сколько раз человек перекрестился или какую молитву знал наизусть. Дело в том, успел ли он по-настоящему жить. Дышать полной грудью, видеть рассвет и замечать, как дрожит на травинке капля росы.

Пол слушал, не перебивая, и впервые за всё время почувствовал, что перед ним не строгий страж с ключами от Рая, а простой собеседник, которому просто хотелось, чтобы его кто-то услышал.

— А ты... — Пётр чуть наклонил голову, вглядываясь в лицо Пола, словно пытался прочесть в нём что-то важное. — Ты ведь тоже всё время куда-то бежал, правда?

Пол хотел было отшутиться, привычно спрятать неловкость за лёгкой фразой, но слова застряли где-то в горле. Вместо этого он просто кивнул.

Пётр улыбнулся — не широко, не радостно, а так, как улыбаются, когда видят, что другой наконец перестал притворяться.

— Ничего, — тихо сказал он. — Здесь не нужно спешить. Здесь можно просто постоять, посмотреть на небо и подумать кто ты есть на самом деле. Есть тут одно место — яблоня, с которой всё и началось. Идём, я покажу её тебе... вернее, то, что от неё осталось.

Пол удивлённо последовал за проводником. Он представлял себе пышное, величественное дерево, раскидистое, с тя-

жёлтыми плодами, словно сошедшее с иллюстраций старинных книг. Но реальность оказалась куда скромнее и куда печальнее. Перед ними стоял не гордый символ первородного греха, а высохший, скрюченный куст, похожий на тень былой славы.

Пол остолбенел, разглядывая ствол дерева: по нему, словно шрамы, тянулись вырезанные ножом людские имена. Кто-то выводил буквы старательно, кто-то — торопливо, почти нацарапывая, но все они кричали об одном: «Я был здесь. Запомни меня».

— Люди, — тихо произнёс Пётр, будто разговаривая сам с собой. — Они всегда ищут, как бы увековечить себя в истории. А тут такой случай...

Он подошёл к дереву и провёл по шершавой коре ладонью, словно хотел стереть с него все отметки.

— Каждого из них я знал лично, — проговорил он, и голос его стал тише, будто не хотел тревожить старые воспоминания. — Но им этого было мало. Очевидно, каждому из них хотелось, чтобы я запомнил его навечно...

— Что ж, похоже, им это удалось, — кивнул Пол.

Этот Рай всё меньше нравился ему — не таким он его себе представлял.

— Твоя очередь, — произнёс Пётр, глядя Полу прямо в глаза.

— Ну уж нет! — Пол замотал головой, в глазах вспыхнула обида. — Я не из тех, кто метит территорию.

Пётр как-то сразу словно помолодел: плечи расправились, в глазах появилась теплота и понимание, будто он только что услышал именно то, что хотел.

— А знаешь, — сказал он чуть мягче, почти по-дружески, — мы с тобой посадим новое дерево. Начнём всё сначала, словно ничего и не было.

Идея начать с чистого листа в этом священном месте показалась Полу почти дерзкой, но он лишь пожал плечами. Если старик этого хочет — почему бы и нет?

— Идея Рая как стимула к благочестивой жизни на Земле не такая уж утопия... — тихо произнёс Пётр, будто перебирая в памяти давно ушедшие времена. — По крайней мере, в те дни мы всё искренне в это верили. Сначала всё выглядело безупречно: Рай мыслился не как приют для всех подряд, а как высшая награда — её могли обрести лишь те, чья жизнь была выстроена на твёрдых нравственных устоях. Мы рисовали себе картину: человек, сознавая, что впереди его ждёт подлинное совершенство, день за днём укрощает свои порывы, сверяется с совестью, старается не оступиться. Рай должен был стать не просто местом, а мерилom — зеркалом, в котором отражается истинная ценность земного пути. Мы думали, что сама мысль о нём будет держать людей в узде, станет тихим, но непреклонным голосом, напоминающим: *«Ты можешь лучше»*.

Но со временем стало ясно: идеал, поставленный как цель, порой отдаляет от неё. Чем недостижимее казалась верши-

на, тем чаще люди переставали на неё смотреть. А потом и вовсе решили, что лестница слишком крута, да и зачем карабкаться, тратя на это свою жизнь, если наверху всё равно не окажется. И вот тут наша прекрасная идея дала трещину: вместо того чтобы вдохновлять, она начала отпугивать.

Он ненадолго замолчал, словно прислушиваясь к эху собственных слов, а потом едва заметно вздохнул:

— Мы хотели дать людям маяк, а в итоге построили стену. И самое горькое — мы сами не заметили, как стена стала важнее света.

Он помолчал, глядя на засохший куст, будто видел не его, а ту давнюю мечту, которая когда-то казалась такой ясной и правильной.

— А потом... потом люди стали приходить не за *светом*, а за подтверждением собственной значимости. Им хотелось не просто быть хорошими — им хотелось, чтобы об этом знали все. И вот к чему это привело.

Пол посмотрел на старика, потом снова на иссохшее дерево с именами, и вдруг произнес:

— Гордыня...

Пётр кивнул и мечтательно произнёс, и голос его поплыл над тихой гладью озера, словно рябь от упавшего листа:

— Не то, чтобы к нам стояла нескончаемая очередь... Нет. Места у нас много — это не театр, где все билеты распроданы ещё до премьеры. Но со временем эта редкая честь — войти за врата Рая — стала почти небывалой. И дело вовсе не в

отсутствии рекламы, хотя, признаться, она бы не помешала. Просто соответствовать тем самым заповедям стало делом почти невыполнимым...

Он снова поник: плечи опустились, а взгляд померк. Казалось, он постарел в одно мгновение. Полу стало невыносимо жалко старика. Он осторожно дотронулся до его плеча — лёгким, почти робким движением. Но Пётр даже не заметил этого. Он полностью погрузился в свой рассказ, заново проживая каждый миг.

— Всеми виной конкуренция, все ушли в «Ад», — пояснил он, и в голосе его вдруг прорезалась горькая, колющая злость. Он уставился в тёмную воду озера, будто там, в глубине, прятались все причины его бед, все ответы, которые он так долго искал, подобно тому как Моисей вглядывался в пучину Красного моря, надеясь прочесть в волнах волю Небес.

— И ты не смог их переубедить? — удивился Пол.

— Как? Словом Божьим? — Пётр горько усмехнулся, и в этой усмешке сквозила печаль, тяжелее камня, что лежал на сердце у Каина. — Я не могу принуждать, не могу вложить веру в грудь, как вкладывают кирпич в стену. А то, что могу дать им... этого оказалось недостаточно. Я предлагал им манну небесную, а они просили мяса...

— Но почему не остановил их? Закрыв бы ворота, — настаивал Пол.

— У меня нет ключей, — неохотно признался Пётр. Он опустил голову, плечи его поникли.

— Как так? — Пол округлил глаза: неслыханное дело, Пётр — страж Рая — и без главного своего атрибута, без ключей! — Как такое возможно?

Старец пожал плечами.

— Кто-то прихватил их с собой, пока я спал, — произнёс он тихо, но в тишине Рая эта горькая правда, прозвучала, как раскат грома. — Понимаешь, у меня тоже есть слабости... К тому же сердце, в котором живёт истинная вера, — вот и ключ к добру, и несокрушимый замок от всякого зла. Того, в ком бьётся такое сердце, не остановит ни один ключ на свете. А прочих останавливать и вовсе бесполезно: они уже избрали свой путь.

Он поднял взгляд, и в глазах его мелькнула тень догадки.

— Это всё происки Дьявола, — прошептал он.

Пол нахмурился:

— Дьявол? Я не понимаю... При чём тут он? Разве не Бог всем управляет?

Пётр усмехнулся:

— Разумеется, он. Но... Вот ты, Пол, всегда слушал, что говорил тебе отец? Разве ты всегда поступал так, как он тебе велел?

Пол замер. Слова Петра ударили точно — в самое уязвимое место. Он задумался, и перед глазами тут же вспыхнули те дни: жёсткий распорядок, требовательный голос, приказы, звучавшие как непреложные законы. Это были тяжёлые времена. Пол любил отца, но бывали минуты, когда, признать-

ся, почти его ненавидел.

И теперь, оглядываясь назад, он спрашивал себя: доволен ли им отец? Разве этого он хотел: Пол — солдат удачи, человек, для которого жизнь — расходный материал. Киллер без права на ошибку. Разве к этому вели все его наставления?

Пол горько усмехнулся:

— Благими намерениями...

Пётр медленно кивнул и продолжил:

— ... вымощена дорога в Ад. Вот именно. Только беда в том, что никто не замечает, как делает первый шаг по этой дороге. А потом — уже поздно.

Пётр помолчал, глядя куда-то в небеса и продолжил:

— Дьявол всегда в деталях. У него на всё есть свой план.

И ты, Пол, ты тоже — часть этого плана, хоть и не догадываешься об этом. В тот день, когда Адам вкусил из рук Евы яблоко желаний, он сделал свой первый выбор, думая что делает его сам. Но он ошибался, выбор уже сделали за него. И вот тогда всё только началось. А теперь... теперь я вижу, как всё закончится.

— И как? — не сдержался Пол, подавшись вперёд. Он будто хотел запомнить каждое произнесённое слово святого старца, прежде чем они растают в воздухе над гладью озера. Его глаза расширились, в них застыл ужас: пламя, в котором кружились образы грядущего Апокалипсиса — живые картины, будто мир уже начал рассыпаться на глазах. Города рушились, как песочные замки под ударом прилива, и даже

горы, вечные и неподвижные, трещали и оседали, устыдившись людских грехов.

Пётр был немногословен:

— Хреново! — выпалил он, и его вердикт прозвучал как удар молота небесного судьи.

Он сжал кулаки, и Пол с изумлением покосился на бугры его мышц, вздувшихся под одеждой.

— Почему мне кажется, что тебя мне послал сам Бог? — тихо произнёс Пётр, и взгляд его, острый и пронзительный, будто проникал под кожу, добираясь до самого сердца. — Ты особенный, Пол. Не такой, как все. Твоя душа... она как душа ребёнка — чистая и непорочная. А вот руки... Руки по локоть в крови. Впрочем, на всё Его воля. Кто мы такие, чтобы осуждать Его замысел? Ты, Пол, лишь орудие в Его руках.

Пол горько усмехнулся.

— Звучит как речь адвоката, — процедил он, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Но я не горжусь тем, что делал. Будь у меня выбор... вряд ли я пошёл бы той дорогой, что уготовила мне судьба.

— Ты прав, — кивнул Пётр, и в его голосе не было ни упрёка, ни оправдания, только спокойная, тяжёлая истина. — Именно судьба и есть Его воля. Воспротивиться ей — значит пойти против Его воли. Но сейчас ты свободен, а потому у тебя есть выбор.

— Вот только что мне с ним делать? — выдохнул Пол.

— Да всё что угодно! — Пётр развёл руками. — Можешь делать всё, что захочешь! Даже если не хочешь этого. Это твой и только твой выбор. Ты свободен.

Пол задумался, слова Петра эхом звучали в его голове, подобно набату в пустом храме. В чём-то Пётр был по-своему прав. У каждого должен быть выбор.

Это как с пирожным на витрине — есть три пути: купить и съесть, пройти мимо, купить и отдать тому, кому оно нужнее. Пол выбрал для себя четвертый — он не любил пирожные, а потому просто их не замечал. И дело было вовсе не в холестерине, не в заботе о здоровье — просто есть вещи, которые не были частью его жизни.

Сейчас это пирожное превратилось в символ. В крошечную модель мира, где каждый шаг — это ответ на вопрос, который никто не задавал вслух: свободен ли ты?

Если судьба — воля Божья, значит, всё уже предрешено. Значит, даже этот выбор — купить, пройти, отдать — уже был предначертан. Тогда получается, что никакой свободы нет, а право на выбор — лишь иллюзия, тонкая вуаль, брошенная на заранее расчерченный путь. И тогда выходит, что он всю жизнь лишь послушно исполнял то, что было написано задолго до его рождения. Не потому что хотел, а потому, что *так было суждено*.

Но если так, то зачем вообще давать человеку ощущение выбора? Зачем вкладывать в него способность сомневаться, страдать от своих решений, терзаться виной? Зачем позво-

лять ему чувствовать себя виноватым, если он всего лишь следовал начертанному? Вина уместна там, где есть свобода. А если свободы нет, то и вина теряет смысл — она становится насмешкой, жестокой игрой кукловода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.